

БРЫЗГАЛОВА М.Д.

(Российский государственный институт сценических искусств, Санкт-Петербург, Россия)

УДК 821.161.1-31(Голстая Т.)

ГЕОПОЭТИКА ПРОЗЫ ТАТЬЯНЫ ТОЛСТОЙ 2010-Х ГОДОВ

Аннотация. Одной из главных особенностей прозы Татьяны Толстой 2010-х годов, помимо ее автобиографичности, является своеобразное изображение времени и пространства – и то, и другое почти не имеет границ. Вместе с тем, в тексте существуют указания на определенные географические точки. Две из них конкретны – это Санкт-Петербург и Москва. Третья локация – Америка – более абстрактна, она включает в себя и города существующие, и города вымышленные, между которыми странствует автобиографическая героиня. Для нее одинаково важны все три пространства: Санкт-Петербург, в котором прошли детство и юность; Америка, в которой героиня прожила 10 лет и которая так и не стала достаточно близкой для того, чтобы остаться там навсегда; наконец, Москва, хаотичное и шумное настоящее с разнообразными реалиями повседневной жизни. Геопоэтическое пространство при этом создается связью реальной действительности и конкретных локаций с другими мирами – «легкими». «Легкие миры» – ирреальное пространство, в котором возможно практически все: разговоры с давно ушедшими близкими, самостоятельная жизнь вещей, понимание того, как устроен мир, а также свободное пересечение временных и пространственных границ. Автобиографическая героиня имеет доступ к «легким мирам», поэтому границы, на первый взгляд явственные, оказываются легко преодолимы. Пространства, сперва кажущиеся разрозненными, становятся тесно связанными между собой, обеспечивая полноту и художественную целостность новой прозы Татьяны Толстой.

Ключевые слова: автобиографическая героиня; геопоэтическое пространство; городской текст; пространственно-временные границы; художественная целостность; литературное творчество.

Татьяна Толстая – писатель, не только понявший и принявший законы времени, в которые он творит, но и вписывающий в них собственную индивидуальность – как художественно-стилистическую, так и личностную. Этим объясняется переход от третьего лица к пер-

вому в новой прозе, вошедшей в изданную в 2010-е годы тетралогию (сборники «Легкие миры», «Девушка в цвету», «Невидимая дева», «Войлочный век»). Одной из особенностей новой прозы Татьяны Толстой, помимо ее автобиографичности, является своеобразное изображение времени и пространства – и то, и другое почти не имеет границ; одно время легко переходит в другое, а реальные географические объекты находятся в тесном соседстве с «легкими мирами» – необъяснимыми, почти колдовскими пространствами. «Легкие миры», по Татьяне Толстой – место, где объективная реальность становится условной; меняются и ее законы. Вещи обретают способность мыслить и существовать самостоятельно, становятся возможны встречи с давно ушедшими близкими, которые, возможно, знают теперь, из чего сделан мир; наконец, только те, у кого есть выход в «легкие миры», могут творить: «Вдруг все становится понятно: устройство вселенной, все причины, все смыслы, всё. <...> А ключ к этим дверям – слезы. Ну, иногда любовь» [Толстая 2014: 168].

В новой прозе изображение конкретных географических пространств закономерно определяется судьбой самой Татьяны Толстой и ее мировосприятием. Они позволяют соединить между собой три геолокации, две из которых – Санкт-Петербург и Москва – конкретны, а третья – Америка – более абстрактна. Последняя включает в себя и города существующие, и города вымышленные, между которыми странствует автобиографическая героиня. Для нее все эти пространства одинаково важны и символизируют определенный временной пласт – в Петербурге прошли детство и юность; в Америке героиня прожила 10 лет, но эта страна так и не стала в достаточной степени ей близка; наконец, в хаотичной и шумной Москве она живет сейчас.

Татьяна Толстая имеет четкую установку на продолжение традиций литературы Серебряного века, поэтому, изображая Петербург, она следует всем канонам классического петербургского текста, описанного В.Н. Топоровым. По традиции, Петербург – город на распутье, на краю света; это «чудный град из облаков», неопределенный, неясный; в нем с самого начала установлено двоевластие природы и культуры – поэтому он, как никакое другое пространство, близок к смерти. Стихия в любую минуту может победить цивилизацию – разрушить ее до основания, уничтожить все живое, отомстив и Петру, и его преемникам. Близость смерти также сообщает пространству города дар пророчества: «оно та пороговая ситуация, та кромка, откуда видна метафизическая тайна жизни и особенно смерти <...>, знамения будущего, судьбы положены в Петербурге плотнее, гуще, явственнее, чем в каком-либо ином месте России» [Топоров 2003: 51].

Петербург Татьяны Толстой – традиционно таинственный, призрачный, полный самых разнообразных мороков, знаков и снов, совершенно не приспособленный для обыкновенной человеческой жизни, но автобиографической героине этого и не надо: «Я непременно куплю в Питере квартиру: я не хочу простой человеческой жизни. Я хочу сложных снов, а они в Питере сами рождаются из морского ветра и сырости» [Толстая 2015: 31-32].

Это пространство наиболее тесно соседствует с «легкими мирами» – здесь может сбыться любой сон, а любая вещь – оказаться жилой, например, бюст Кирова, некогда претендовавшего на квартиру, которая досталась семейству Толстых: «Только войдя с ним в квартиру, я поняла, что это он попросился на ручки – попался на глаза, прикинулся малоценным, выбрал и время, и повод, и того единственного человека в многомиллионном городе – меня, – способного отнести его в то единственное место, которое его сейчас интересовало и которое он никогда не видел» [Толстая 2014: 16]. Петербург – это все семейные предания и легенды, детство, цветущая юность, в которой обыденная работа разнощиком телеграмм идет рука об руку с непостижимым и таинственным: «пустой летний Ленинград, волшебные улицы Петроградской стороны; на стенах домов, над парадными – коты и ундины, треугольные девичьи лица оглушительной красоты: опущенные глаза, пышные волосы, дневные сны» [Толстая 2015: 7]. Толстая неоднократно подчеркивает мотив сна как самый естественный и логичный для Петербурга.

Москва, в свою очередь, изображена в резком противопоставлении Петербургу. Гармоничный город, населенный призраками и живыми вещами, явственно контрастирует с городом хаотичным, беспорядочным, жестоким; европейское начало противопоставлено азиатскому. Но сперва – дорога между двумя столицами, единственными точками света на карте; попытка спастись от тьмы и хаоса: «Русская жизнь – это путешествие из Петербурга в Москву, или из Москвы в Петербург, смотря с какой стороны смотреть. Два худо-бедно озаренных блюдечка, два пятнышка света, две платформы, где можно вынырнуть из темноты – отдышаться до следующего погружения» [Толстая 2014: 71].

После того, как этот страшный вечный путь проделан, перед героиней появляется Москва – с первой же минуты, с прибытия на вокзал, она отчаянно не похожа на Петербург: «в первую минуту забываешь, что сейчас, вот сейчас грянет фальшивая, насквозь гнусная музыка: «Мас-ква, златые купола!» – и будет сопровождать тебя по всей платформе, до упора, и руки, занятые каким ни на есть багажом, не смогут зажать уши и спастись: о, позавидуешь глухим!» [Толстая

2014: 236]. Толстая, коренная петербурженка, изумляется и музыке, и ее словам, выстроенным в ряд: Москва – золото – иконы. Для москвичей, по Толстой, золото икон – это металл, который можно пустить в оборот, выгодно продать, переплавить; старые улицы – отжившее и ненужное, которое надо разрушить и перестроить: «Там все снесут, не сомневайтесь. Все старое, милое, растрепанное, крошащееся в пальцах; все бесполезное и непригодное, то есть самое дорогое сердцу, – снесут. Все хорошее тоже снесут, потому что это тупые машины, механические боевые слоны, у них ничего не болит, они ни от чего не плачут» [Толстая 2014: 240].

Неотрывно помня о питерских корнях, Толстая оставляет за собой право не любить столицу и открыто об этом говорит. Москва для нее – хаотичное, жесткое, бездушное пространство, ориентированное на зарабатывание денег, почти не оставляющее места для «легких миров». Лейтмотивом повторяется понятийно-образный ряд: разрушение, снос, перестройка: «Старое, живое, милое убили и заменили мертвым и никаким» [Толстая 2017]. «Легкие миры» если и возникают здесь, где-то среди повседневных реалий, то никак не связаны с географией пространства, в отличие от Петербурга – скорее, их появление обусловлено ситуативно.

Третье геоэтическое пространство, также основополагающее для творчества Татьяны Толстой – Америка, стоящая обособленно, не связанная ни с прошлым, ни с настоящим, ни с Петербургом, ни с Москвой, но иногда им противопоставленная: «Раз в сто лет обязательно придет Большая Волна, потому что и город проклят, и поэт так завещал. <...> У нас наводнение, говорим мы, – это карающая длань государства, воплощенная в Медном Всаднике. А у американцев демократия, поэтому их герой – Всадник Без Головы» [Толстая 2014: 133].

Америка Татьяны Толстой все же ближе Петербургу, чем Москве – в ней легко можно найти выход в «легкие миры», и само пространство является больше сказочным, чем реалистичным. В нем всегда остается место для фантастического – от занесенного снегами предрождественского городка на краю земли, находящегося по соседству с деревней шестипалых, до Нижнего Манхэттена, который во время урагана превращается в Зону, в то время как в Верхнем Манхэттене празднуют Хэллоуин, и он оборачивается карнавальным дьявольским шествием. В Америке, как и в Петербурге, есть разнообразные чудеса – можно купить дом с недостроенной террасой, обещающей выход в «легкие миры», и этот дом будет символом любви; можно найти в антикварной лавочке настоящий сувенир, охраняющий от всего на свете – серебряный кукиш. Америка мила Татьяне Толстой тем,

что в ней есть место неправильному, сделанному не по обыденным законам, а вопреки всякой житейской логике.

Указаний на конкретные географические точки в текстах несколько – Нью-Йорк, Аризона, Калифорния, Принстон, безымянный городок, в котором находится колледж, где преподает автобиографическая героиня, и до которого четыре часа езды. Этот путь похож на дорогу от Петербурга до Москвы: «Выехать на улицу, развернуться – и на север, на ощупь, рассекая чернильный мрак, ныряя с холмов за овраги, по пустым узким дорогам, мимо спящих сел и одиноких хуторов, обозначенных маленькой бусинкой света. Этот черный крошечный час – самый страшный в моей жизни; он повторяется неделя за неделей, год за годом» [Толстая 2014: 163].

Среди геопоэтических пространств Америки есть и совсем фантастические: «Это северный городок, севернее некуда, дальше там уже закругляется земля <...>. Там – север, там – граница обитаемого мира» [Толстая 2014: 87]. Рассматривать все эти локации по отдельности не имеет смысла – они практически ничем друг от друга не отличаются, но, собранные воедино, создают портрет целой страны, по которой автобиографическая героиня свободно перемещается: «Я возьму напрокат широченный джип, я куплю себе сапоги из фигурной кожи, с загнутыми носами, куплю женский вариант ковбойской шляпы, очки-консервы, запасусь водой и вяленой говядиной и рвану, с сигаретой в зубах, через Калифорнию, Неваду и Аризону <...>. Куда? Не знаю. Зачем? А низачем, просто так» [Толстая 2014: 83-84]. Это пространство – вполне дружественное, но все же не настолько, чтобы остаться там насовсем; это временное прибежище, шаг к чему-то новому – к очередной смене локации; это промежуточный этап – уже не Петербург, но еще не Москва.

В описании каждого из пространств Татьяна Толстая упоминает реальные географические данные – названия улиц, районов, узнаваемые приметы той или иной местности, но практически никогда не дает точных координат. Полностью воссоздать маршрут автобиографической героини или найти конкретный адрес очень сложно – так, детство героини проходит в квартире на набережной реки Карповки, туда она несет бюст Кирова, которому это жилье не досталось. В каком именно доме находится эта квартира, на какой стороне реки, на западе или на востоке Петроградской стороны – неясно. Для писательницы, как и для ее автобиографической героини, конкретные географические данные не имеют особого значения – геопоэтическое пространство создается связью реальной действительности с другими мирами – «легкими».

Согласно концепции семиотики пространства, предложенной Ю.М. Лотманом, сюжет всегда представляет собой путь, «траекторию

перемещений некоторой точки в пространстве модели культуры» [Лотман 1992: 404]. Путь автобиографической героини Татьяны Толстой не ограничивается привычными рамками времени и пространства – она свободно пересекает границы миров прошлого и настоящего, смешивая воспоминания с реальностью. По тому же принципу в тексте существуют границы между геопоэтическими пространствами – на первый взгляд явственные, но на самом деле легко преодолимые. Так, действие повести «Легкие миры» разворачивается преимущественно в Америке, но органично включает в себя и Петербург, и Москву, и, собственно, «легкие миры». Геопоэтические пространства, кажущиеся на первый взгляд разрозненными, оказываются тесно связаны между собой – с помощью предметов, дорог, воспоминаний, сюжетных элементов, наконец, с помощью самой автобиографической героини.

По этим законам строится не только повесть, но и вся тетралогия, изданная в 2010-е годы – тексты незримо связаны между собой; их границы видны, но в то же время стерты. Одно пространство незаметно перетекает в другое, одно время подменяется другим – диссонанса при этом не возникает; более того, именно эта нечеткость границ между разными пространственно-временными пластами, между текстами разных жанров и тематических направленностей и сообщает новой прозе Татьяны Толстой художественную целостность.

ЛИТЕРАТУРА

Толстая Т. Н. Легкие миры. – Москва: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2014. – 477 с.

Толстая Т. Н. Девушка в цвету. – Москва: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2015. – 348 с.

Толстая Т. Н. Про ресторан Ruski // Insider.Moscow. Блоги. 13 февраля 2017. – Режим доступа: <http://www.insider.moscow/read/281> (дата обращения: 21.12.2018).

Лотман Ю. М. Избранные статьи: в 3 т. – 1992. – Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры. – 479 с.

Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы: Избранные труды. – Санкт-Петербург: Искусство – СПб, 2003. – 616 с.

REFERENCES

Tolstaya T. N. Legkie miry. – Moskva: AST: Redaktsiya Eleny Shubinoy, 2014. – 477 s.

Tolstaya T. N. Devushka v tsvetu. – Moskva: AST: Redaktsiya Eleny Shubinoy, 2015. – 348 s.

Tolstaya T. N. Pro restoran Ruski // Insider.Moscow. Blogi. 13 fevralya 2017. – Rezhim dostupa: <http://www.insider.moscow/read/281> (data obrashcheniya: 21.12.2018).

Lotman Yu. M. Izbrannye stat'i: v 3 t. – 1992. – T. 1: Stat'i po semiotike i tipologii kul'tury. – 479 s.

Toporov V. N. Peterburgskiy tekst russkoy literatury: Izbrannye trudy. – Sankt-Peterburg: Iskusstvo – SPb, 2003. – 616 s.

Науч. руководитель: Снигирева Т.А., д.ф.н., проф.